

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.005
УДК 808.5 + 81'276.1 + 81'373.23 +
+ 159.925 + 811.161.1'38

И. А. Подюков
Пермский федеральный
исследовательский центр УрО РАН
Пермь, Россия

ОТАНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ПЕРСОНИФИКАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЖАРГОННОЙ РЕЧИ*

В статье рассматривается отантропонимическая персонификация в профессиональной и жаргонной речи, используемая в номинации артефактов. Базой исследования являются отантропонимические названия, зафиксированные в профессиональной речи рабочих (шахтеры, железнодорожники, строители Пермского края), в жаргонной речи социальных сообществ (молодежный, криминальный, военный и другие жаргоны). В качестве источников использованы словари жаргонов, интервью и беседы с рабочими пермских горнопромышленных предприятий, собственные наблюдения автора за речью носителей жаргонов в Перми и шахтеров Кизеловского угольного бассейна. Отантропонимические персонификации рассматриваются как факты субкультур, выражающие их ценностные установки, как когнитивное средство (инструмент познания и объяснения действительности). Исследуемые номинации, основанные на ассоциативных связях уподобления неживого живому, представляют собой психологический феномен, поскольку вербализуют представления, касающиеся внутреннего мира человека. Одновременно персонификация выступает как языковой (семантический) процесс, связанный с фиксацией в языке нового знания, с выражением ценностного отношения к тому или иному объекту. Цель исследования — выявление причин и способов персонифицирования, которое используется в профессиональной речи и жаргонах, анализ функций отыменных названий. Проведенное исследование показало, что условное неразличение живого

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

и неживого является продуктивным способом номинации сложных профессиональных и узкоспециальных реалий, воспринимаемых с особой эмоциональностью. Приписывание объектам производственно-технической сферы и реалиям субкультур человеческих свойств направлено на объяснение их значимости в профессиональном и социальном сообществе, используется как способ структурирования профессионального знания. Кроме того, представление вещей в образе людей выступает как форма языковой игры, основанной на переосмыслении культурных коннотаций слова и манипуляциях с его материальной формой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональная речь; социолекты; антропонимика; номинация; персонификация; мотивы персонификации; приемы персонификации; языковая игра

Персонификация, заключающаяся в олицетворении, т. е. наделении животных, предметов, явлений природы человеческими свойствами, а также в выражении отвлеченных понятий в образе человека [СЛТ, 240], является не только тропом, но и средством моделирования процессов мышления и смыслов в рамках антропоморфного культурного кода как системы знаков. Персонификация считается частным случаем метафоры, хотя есть и понимание ее как самостоятельного тропа, не нуждающегося, в отличие от метафоры, в общем с характеризуемым понятием признаке [Воскресенская, 2016, 11]. Это отличие представляется существенным, поскольку позволяет отнести к персонификации и явно неметафорические факты.

Частный случай персонификации — номинация того или иного неодушевленного предмета антропонимом. Именно отантропонимическая персонификация при номинации техногенных объектов и других артефактов стала предметом данного исследования.

Зона, где особенно востребована такая отантропонимическая персонификация, — сфера неофициального общения, т. е. живая разговорная речь и социолекты. Изучение этих форм существования языка особенно активизировалось в последнее время (о проблемах изучения социальных разновидностей речи, в особенности семантики субкультурной лексики, см. [Аль Саади, 2019]). Профессиональная речь и жаргоны отражают связи между человеком и объектами, созданными его руками. Персонификация при этом обеспечивает экспрессивную окраску обозначения того или иного явления, позволяет говорящему эмоционально разрядить обстановку. Обращение к эмоционально воспринимаемому неодушевленному предмету — это психологический способ саморегуляции, совладания с опасностью и одиночеством, проявление эмоциональной привязанности к вещи: «Люди зачастую ведут диалоги с неживыми предметами в состоянии крайнего эмоционального возбуждения, в ярких эмоциональных всплесках» [Трубицына, 2020, 70].

В настоящей статье рассматриваются основанные на отантропонимической персонификации названия неодушевленных предметов в профессиональной речи шахтеров, металлургов, строителей, пожарных, электриков, слесарей,

железнодорожников, медицинских работников, а также в молодежном, военном и тюремном жаргонах. В качестве источников использованы существующие словари жаргонов, беседы и интервью с рабочими пермских горнопромышленных предприятий (опубликованные в соликамской газете «За калий», 2007–2010), собственные наблюдения автора за речью носителей жаргонов в Перми и шахтеров Кизеловского угольного бассейна [ЛЗА]. Привлекались также материалы, касающиеся профессиональной речи пермских рабочих по добыче калия и магния, предоставленные исследовательницей профессиональной речи, доцентом Пермского государственного национального исследовательского университета Л. М. Пантелеевой.

Обычно артефакты оцениваются утилитарно и не вызывают у человека особого эмоционального отклика. Однако предметы (вещи, реалии) с необычными свойствами в конкретных сферах производственной деятельности человек нередко наделяет особым смыслом, сравнивая их со знаменитостями, партнерами или родственниками. Например, колокола Юрьева монастыря (Новгород) носят имена небесных покровителей и людей, связанных с его историей: *Георгий* (в честь великомученика Георгия), *Ярослав* (в честь великого князя, основателя монастыря), *Феоктист* (в честь архиепископа). Использование отантропонимической персонификации здесь мотивировано тем, что колокол является духовным символом, ассоциированным с конкретным персонажем, знаком преображения и связи между земным и небесным. Отметим, что антропоморфность колоколов отражена не только в их именах. Части колокола обозначаются с помощью соматизмов (*голова* ‘верхняя часть’, *ухо* ‘проем, за который подвешивают колокол’, *плечи* ‘верхний свод колокола’), соотносятся с предметами одежды (*пояс* ‘утолщение, полоса по корпусу колокола с орнаментом или надписью’, *юбка* ‘нижняя часть колокола под поясом’). Каждый колокол, как известно, принимал освящение (подобно крещению) и имел свой голос и свою судьбу; относились к нему как к человеку, которого за «провинность» могли сослать в ссылку, высечь розгами, вырвать язык [Владышевская, 2014].

Сакральность отдельных имен, используемых при персонификациях, иллюстрирует библейское имя *Яков*, употребляемое для характеристики якоря у моряков. Для переноса имени, безусловно, значима не только фонетическая близость слов *Яков* и *якорь*, но и культурные коннотации, перенесенные с имени на название орудия для удержания судна. Как спасательное средство, в древности якорь был связан с религиозными ритуалами и магическими представлениями, украшался особыми знаками (о жертвенных якорях, сакральности орудия для удержания корабля см. [Окорочков, Кулагин, 2016]). Якорь (как и корабль) — один из символов в христианстве: *якорем души* верующие называют надежду, спасение, Ветхий Завет, самого Иисуса Христа («надежда <...> которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий» — Евр. 6:17–20). Выбор имени для якоря *Яков* (*Яшка*) может быть ассоциативно связан с тем, что библейский Иаков был

одним из самых близких учеников Христа и распространителем святой веры, т. е. воспринимался как дающий надежду на спасение (по преданию, Христос, явившийся после своего воскресения, напутствовал его на должность первого епископа Иерусалимской церкви).

Почитание якоря — величание по имени-отчеству — проявляется в поморском названии *иван иванович* ‘об исключительно крупном ягоре’: «Иван иванович был якорь. Ну-ко, где у нас иван иванович? Назвали именем начальника. Был Иван Иванович Королёв, пузатый такой» [Сурикова, 2019, 3]. Иоанн, как и Иаков, был ближайшим учеником Христа, обучавшим людей спасительной вере, и, так же как Иаков, с детства, до обращения к Христу, был рыбаком. Совпадение названия с именем реальной личности можно рассматривать как проявление множественности мотивировок. Любопытно, что это имя (*Иван Иваныч*, в прессе *Ваня*) было дано космическому манекену, полет которого предвещал полет Юрия Гагарина (символический смысл имени мотивируется в том числе идеей анонимности — из-за широкой распространенности онима). Имя *Яков* с достаточно устойчивой коннотацией спасителя (*Яша*, он же *Жора*, он же *Иван Иваныч*) присваивается манекену, применяемому на тренировках по спасению у пожарных. Совпадение номинаций (*иван* и *яков*) якоря и манекена как оберегающих человека артефактов позволяет предполагать, что здесь имеет место достаточно сложная семиотическая игра с символикой и с языковой формой имен, обыгрывание их коннотаций, отсылки к разнообразным прецедентным фактам, не всегда находящимся в логически предсказуемых связях.

Немало отантропонимических названий создано для сложных, способных к автономной деятельности устройств: робот-пылесос *Фёдор* — по имени космического робота, названного именем-аббревиатурой *FEDOR* — *Final Experimental Demonstration Object Research*; пароочиститель *Пауша* — по издаваемому при работе звуку; голосовой помощник *Маруся* — от созвучия с названием почты *Mail.ru*, в которую он интегрирован; смарт-колонка «*Алиса*» — считается, что название ей было дано в честь Элизы Дулитл, персонажа пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Пользователи сотовых телефонов, чтобы упростить общение, часто присваивают личные имена моделям мобильных телефонов, их комплектующим, аксессуарам и программам: *емеля* ‘электронная почта’, *ксюха* ‘программа *Xenia* для запуска компьютерных игр’, *аська* ‘интернет-пейджер (англ. ICQ)’ [см. подробно: Сосновская, 2008]. В большинстве таких случаев выбор имени представляет каламбурное обыгрывание исходного английского названия, однако основанием для именованной вещи, несомненно, является и перенос на нее своих эмоций, отношение к ней как к помощнику.

Профессиональные субъязыки и жаргоны отличает своя понятийная сфера и специфическое отношение к реалиям, имеющим особое значение для носителей той или иной субкультуры. Наделение человеческим именем неживого объекта считается высшей степенью признания субъектности. В профессиональной

речи оно касается прежде всего сложных и крупных технических сооружений. Известны, например, фабричные и заводские трубы с женскими именами: труба *Жанетта* в Донецкой области, три разновысотные фабричные трубы прядильно-ниточного комбината в Санкт-Петербурге *Вера*, *Надежда*, *Любовь* (названы в память о святых сестрах и христианских добродетелях). Антропонимические характеристики получают наименования мест горных разработок. Вертикальная горная выработка, не имеющая выхода на поверхность земли, пробитая для спуска угля с верхнего на нижние горизонты, у шахтеров шутивно называется *Генка* («Вагоны когда уберут, и берешь этим скребком все отдолбишь тут. Подогнал, лопатой скидал туда, к *Генке*» — Кизел [ЛЗА]). Уподобление восходит к трансформации термина *гезенк* (заимствован из немецкого языка, связан с глаголом *senken* ‘спускать’).

В Прикамье, как и на других территориях, шахты получали личные имена собственников и/или основателей — как посвящения. Так, шахты *«Елим»*, *«Акинфий»* названы в честь представителей рода Демидовых Елимы Павловича и Акинфия Никитича. Шахты *«Жонес»* (№ 1, № 2, Луньевский округ) получили свое имя в честь главного уполномоченного по демидовским именам А. О. Жонеса-Спонвиля, горного инженера Тагильских заводов, француза по рождению, одного из творцов уральской металлургии, главного управляющего демидовских заводов [см. подробно: Чудинов, 2015]. Шахта *«Григорий»*, возможно, была названа по имени Григория Грасгофа, управляющего Уральского горнозаводского товарищества, в арендном управлении которого состояли горнозаводские владения Всеволожских, основателя Пермского чугунно-пушечного завода (в его честь также был назван один из луньевских пластов каменного угля — *Грасгофский*, или *Грасгоф*). На Зыковском руднике (Горнозаводск) была построена шахта *«Сабина»*, название которой было дано по имени дочери управляющего заводами Камского акционерного общества [Киреев, 1970, 98]. Князь Абамелек-Лазарев (Кизеловские дачи) владел рудником *«Абамелек»*, где была копь со штольнями, названными в честь его детей и родственников: *«Елизавета»*, *«Елена»* и *«Николай»*. В Донецке шахта *«Мария»* получила имя в честь одной из представительниц семьи горнопромышленников Иловайских. Традиция антропонимической номинации шахт есть и в Европе, ср. шахты *«Проспер-Ганиль»* (Рур, Германия; носит имя промышленника Иоганна Ганиля), *«Шарлотта»* и *«Янина»* (Польша) и др.

Известны и названия шахт, образованные от имен святых покровителей. Шахта князей Всеволожских *«Илиодор»* (Луньевские копи) была посвящена одному из христианских мучеников. По агиониуму, вероятно, была названа открытая в 1879 г. луньевская шахта *«Варвара»* — в честь святой покровительницы Варвары Илиопольской (согласно житию, она укрывалась от гонителей в расселине каменной горы). Культ святой великомученицы Варвары известен шахтерам Европы (Австрия, Германия); в ее честь праздник немецких шахтеров называется *Barbarafeier*, а в России (Кемерово) мученице возведен памятник.

Приведенные названия шахт (копей, рудников), производные от личных имен и наделенные мемориальной функцией, не сопровождаются фамилиями и отчествами, что сближает их с персонифицирующими уподоблениями, а экзотичность многих из них придает объектам топонимического ландшафта таежных западных предгорий Среднего Урала черты территории, которой «владеют» некие пришельцы. Названия шахт воспринимаются не только как адресные указания, но и как имена преобразователей горного пространства: «...фактор одушевленности начинает как бы внедряться в фактор пространственной выделимости» [Лапшова, 2013, 400].

В советскую эпоху многие шахты были переименованы в честь государственных деятелей по посвятителной модели, не воспринимаемой как персонификация: так, уже упоминавшаяся шахта «Абамелек» получила название *им. Ленина* (в повседневной речи *Ленинка*), *Княгининская шахта / Княгиня* (Кизел) изначально была названа в честь жены С. Д. Абамелек-Лазарева, а в советское время была переименована в шахту *им. Фрунзе*. Копь *Курмаковская*, названная по имени разработавшего ее в 1898 г. горного инженера Курмакова, получила название *им. Куйбышева*. Эти идеологические названия в честь вождей и «стражей» революции исказили сложившийся культурный код, увековечив исторических личностей, которые не имели непосредственного отношения к Пермскому краю, к его экономическому развитию. Восприятие и оценка территорий носит многоуровневый характер, т. е. требует рассматривать названия известных технических сооружений не только как знаки географической территории, но и как точки жизненного пространства, созданного усилиями людей. Благодаря использованию антропонимов в качестве названий техногенных объектов (как и гор, рек, скал, камней, которым человек всегда приписывал биологические и психические свойства) физическое пространство воспринимается как культурный текст, ощущается освоенным и обжитым.

Техника в профессиональной речи (и в свободных описаниях, и в закреплённых номинациях) последовательно представляется живой: «При монтаже всё сложно, любых неожиданностей ждёшь. Но всё прошло на удивление хорошо. А вот на самом нервном этапе — обкатке — поволноваться пришлось. Контактёр двигателя переносного вращения барахлил, мы его заменили. Во время обкатки шестерни друг к другу притираются, всё прирабатывается. Разное может быть. Какие-то мелкие чёрточки у новичка подмечаешь. Допустим, у старого комбайна крен на левую сторону был, у этого — на правую, правша, значит. Но ничего, исправили» [За калий, 27.08.2010]; «У техники случаются “травмы” от нашей нерадивости» [За калий, 29.08.2008]. Название очистного комбайна *ванька* мотивировано идеей наделения объекта исключительной силой (и одновременно осознанием его опасности). Близкие смыслы, возможно, рефлектируют в названии тяжелой кувалды *ваня* (железнодорожное), *дядя Ваня* (у строителей). Имя *Иван* известно в диалектной среде как демонологическое (имя духа — поля, огорода,

дома), что, предположительно, является отголоском архаичного соотнесения его с духом плодородия [Березович, 2007, 287]. Культурные коннотации этого имени в современном субкультурном использовании могут быть развернуты и в отрицательном плане (*иван михалыч* ‘инфаркт миокарда’ — в речи врачей), и в позитивном (*иван* ‘цифровая соединительная линия, способная передавать множество одновременных телефонных звонков’ — у связистов).

Имя *Марья* (*Маша*, *Машка*, *Марьиванна*) используется (как в шахтерской среде, так и у строителей) в качестве названия большой кувалды; у моряков, военных *машка* — ‘тяжелый таскаемый инструмент’, ‘швабра для чистки палубы’, в железнодорожном жаргоне *машка* — ‘путейский гвоздодер для вытаскивания костылей из шпал’, ср. также у шахтеров *манюня* ‘большой, до 30 кг, отбойный молоток HILTI TE3000’. Наделение экспрессивным смыслом мотивируется фонетической близостью имени к глаголу *махать* (кувалдой *машут*; ср. другое основание в речи железнодорожников: тепловоз М62 венгерского производства назван *машка* по псевдорасшифровке начальной буквы; в речи музыкантов *машка* — цифровое фортепиано фирмы «Yamaha» — из каламбурного переноса названия по фрагменту слова). Приведенные примеры демонстрируют действие известной аналогии технического изделия с женщиной. Привнесение в работу тяжелым инструментом эротического элемента с помощью названия психологически снижает негативный смысл физически изматывающего занятия.

Название большой кувалды *володя* основано на частичной фонетической близости имени и слова — совпадении согласных звуков [л], [д], однако сближение также может поддерживаться общим представлением о человеке с именем *Володя* как о солидном и властном.

Встречаются также немотивированные переносы имени на объект. Таково название машины скорой помощи *людмила* в речи пожарных (название, впрочем, может быть реализацией распространенного ассоциирования автомобиля с женщиной, ср. известное *девочка* ‘о личном автомобиле’; возможно также, что имя выражает уважительное отношение к профессии, с которой связано спасение человеческих жизней).

Многие персонифицирующие наименования в профессиональной речи образуются из официальных путем каламбурного обыгрывания звуко-буквенного состава: очистной комбайн *Гоша* (1ГШ68), устройство закладки кабеля *Катя* (из KatiBLitz, название производителя кабельного оборудования «Katimex», Германия), *Панкрат* и *Кондрат* ‘о домкрате’ (шахтерское), уже упоминавшееся название инфаркта миокарда *иван михалыч* — по начальным буквам *и*, *м*, цифровой линии *иван* — по номенклатурному Е1. Каламбуром является также обозначение у медиков безнадежно больного *по фамилии Чехлидзе* (переделка реальной грузинской фамилии *Челидзе* за счет ассоциативной связи с существительным *чехол* — в данном случае ‘патологоанатомический мешок’; ср. прост. шутил. *штопоридзе* ‘штопор’).

Присвоение личного имени техническим агрегатам и аппаратам, реалиям и понятиям технической сферы делает производственное пространство (нередко опасное, сопряженное со стрессом) психологически более комфортным и понятным.

Наделение именем бытовой реалии позволяет с помощью очеловечивающих образов и шутки вытеснить негативные переживания. Жаргонная лингвокультура, как и профессиональная техническая, содержит большое количество метафорически переосмысленных имен собственных, которые призваны выразить отношение к предметам. Имена предметам, значимым для субкультур, обычно дают из-за зависимости, особого интереса к предмету. Так, для многих социальных групп типична персонификация алкогольных напитков. Отмечены шуточные «величания» их: *пузырь петрович* ‘бутылка водки’, *пётр петрович* ‘портвейн’ (каламбурное название *петрович* получают и сигареты распространенной марки «Петр I»). Ближе к этому названию обозначение состояния удовольствия (особенно после выпитого) — *кайф петрович* — в молодежной речи. Отчество *Петрович* нередко также появляется в обозначениях понятий, связанных с резким, неожиданным изменением ситуации: *обрыв петрович* ‘побег из ИТК’, *облом* или *отсос петрович* ‘неудача’, *загиб петрович* ‘смерть’. Патроним *Петрович* превращается в знак «выключения» из реальности, его смысл распространяется и на название крепкого напитка, быстро вызывающего изменение состояния, и на само состояние, ср. также *лом петрович* ‘о депрессии, апатии, лени’ в молодежной речи. Отмечены номинации, построенные на фонетических сближениях (типа *савелий петрович* — композит из начальных слогов названия САВПЭ — *система автоматического ведения поезда и экономии электричества*) [Феоктистова, 2010, 77].

Часто персонификация рождается из каламбурного переименования обычного названия: *тонька михайловна* ‘джин-тоник, слабоалкогольный коктейль’, *анискин* ‘анисовая водка’, *вера ивановна* ‘вермут’, *славик* ‘славянское белое вино (дешевый крымский портвейн)’. Шуточные (а нередко и уважительные) каламбурные обозначения восходят, безусловно, к древнему сближению хмельных, способных менять облик и состояние человека напитков с некими «очеловеченными» духами. Аналогично создаются многие названия наркотиков и их заменителей: *марфа* ‘морфий’, *катя, катюха* ‘кодеин’, *оксана, ксюха* ‘оксибутират натрия (психотропный препарат психогенного воздействия)’, *феня* ‘феназепам (средство из класса транквилизаторов)’, *галька* ‘гашиш’, *гаррик, гера, герыч* ‘героин’. Одна из моделей образования такого типа названий — использование мужского форманта *-ич/-ыч* вместо *-ович/-евич*: *гаврилыч* ‘галстук’, *кожевич* ‘кошелек’, *фомич* ‘ломик-фомка для взлома замков»; по сравнению с нейтральными *-ович/-евич* патронимы на *-ич/-ыч* подчеркивают близость к человеку (эта окраска «учтена», например, в названии пермской фирмы по приему металлолома «*Металлыч*»). Еще одна модель — использование антропонимической формулы «имя + отчество»,

где имена выбираются по созвучию с фрагментами самого названия: *анна дмитриевна* ‘анальгин с димедролом’, *галина петровна* ‘галоперидол’ (названия известны также в медицинском жаргоне).

По сравнению с профессиональной речью более распространены в жаргонной речи немотивированные (или слабо мотивированные) переносы имени на предмет. Номинация топора *степан* в криминальных жаргонах поддержана частичным совпадением звуков консонантного ядра слова ([т], [п]), эвфемистическое название обнаруженного на пожаре сгоревшего трупа *георгий* в речи пожарных ассоциативно может быть соотнесено с глаголом *гореть*.

Очень часто персонификация используется в названиях оружия: *акулина* ‘автомат Калашникова’ (разворачивание в имя аббревиатуры АК), *ксюха* ‘автомат Калашникова складной укороченный’ (из сокращения АКС-74у), *светка* ‘самозарядная винтовка Токарева’, *дашка* ‘крупнокалиберный пулемет Дегтярева — Шпагина’. Выбор женского имени в большинстве случаев связан с характерным для военных бережным отношением к оружию, а также осуществляется по общему принципу сексуализации техники (особенно наглядно в названии автомата Калашникова *люба*). Названия могут подчеркивать и маскулинность оружия. Так, наименование пистолета Макарова *макар* получает дополнение в виде отчества *Андреич*, несмотря на то что реальное отчество изобретателя — *Федорович* (патроним связан с именем *Андрей* < греч. ‘мужчина; мужественный, храбрый’).

Персонификациями являются названия инструментов воровского дела, используемые в криминальной субкультуре. Так, ломик у воров носит имя *лукич* (оформлен с помощью патронимического форманта *-ич*). Номинация, скорее всего, содержит указание на форму (один конец этого ломика имеет изгиб, ср. слав. **lorkъ*). Название лома с расплюснутым загнутым концом *фомич*, *фома фомич* (*фомка*) имеет неясное происхождение (возможно, представляет собой кодирование слова *лом* с помощью замены начального звука). В этих названиях также (с известной натяжкой) могут быть усмотрены отсылки к именам апостолов *Лука* и *Фома*, мотивированные установкой на возвышенную (или шутивную) характеристику инструментов-«помощников». Религиозные знания и религиозные переживания далеко не чужды воровской среде (в том числе они применяются как имитация веры), свидетельством чему является использование в ней церковной символики и переосмысленной христианской лексики.

Рассмотрение семантики антропонимических субстандартных и профессиональных персонификаций показывает, что они направлены на характеристику реалий технизированного мира в категориях социума, представляют предметы окружающей технической среды в антропоморфном виде. Основная функция таких номинаций заключается не столько в выражении профессионального знания и характеристике узкоспециальных реалий субкультур, сколько в экспрессивной оценке их свойств и признаков, в выражении ценностных установок носителей

субкультур, переживаний и чувств говорящих, вызванных особенностями производства и образа жизни. Поводы для возникновения отантропонимических номинаций могут быть различны: графические и фонетические сближения и основанная на них языковая игра, мемориальные установки, посвящения и т. п., однако можно утверждать, что всегда присутствуют культурные коннотации, способствующие формированию антропоморфного образа. Способы перевода личного имени в нарицательное название вещи оформляются в ментальную модель, с помощью которой приписывание объектам производственно-технической сферы и реалиям субкультур человеческих свойств объясняет их значимость в профессиональном и социальном сообществе, используется для структурирования профессионального знания.

Источники

- За калий. Корпоративная газета ОАО «Сильвинит». Соликамск, 2007, 2008, 2010.
ЛЗА — личные записи автора. 2021.
СЛТ — *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010.

Исследования

- Аль Саади Алла Шинан.* Вопросы социального членения языка: лингвистическая традиция изучения жаргонной лексики // Преподаватель XXI век. 2019. № 1. С. 407–418.
Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
Владышевская Т. Ф. Древнерусские колокола и звоны // Культурология. 2014. № 3 (70). С. 114–129.
Воскресенская С. Ю. Метафора и персонификация: к проблеме взаимоотношений // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2016. № 4. С. 11–15.
Киреев В. В. О некоторых географических названиях иноязычного происхождения на территории Горнозаводского района Пермской области // Ученые записки Уральского университета. Сер. филологическая. 1970. Вып. 13, № 90. С. 97–98.
Лапинова А. В. Соотношение топонимической и антропонимической систем в категориях тождества и выделмости // Филологические науки. 2013. № 4. С. 37–43.
Окороков А. В., Кулагин А. В. Корабельный якорь как древний символ веры и надежды // Культурологический журнал. 2016. № 1 (23). С. 1–8.
Сосновская А. А. Языковая картина мира носителей «Мобильного жаргона» (на материале метафор) // Известия Саратовского университета. Сер. «Филология. Журналистика». 2008. Т. 8, вып. 2. С. 20–22.
Сурикова О. Д. Еще раз о значимости «большой воды» для поморов (лексические данные) // Живая старина. 2019. № 3. С. 2–5.
Трубицына Л. В. Феномен «одушевления» вещей, или Разговор с вещами // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 2. С. 65–77.
Феоктистова Л. А. Ономастика и ономастическая лексика в жаргоне железнодорожников // Вопросы ономастики. 2010. № 2. С. 69–85.

Чудинов А. В. Опыт родословной А. О. Жонес-Спонвиля, главного управляющего Демидовских заводов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 17, № 3. С. 144–153.

Рукопись поступила в редакцию 05.05.2022

Рукопись принята к печати 11.11.2022

* * *

Подюков Иван Алексеевич

доктор филологических наук, профессор,
старший научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН
614990, Пермь, ул. Ленина, 13а
E-mail: podjukov@yandex.ru

Podyukov, Ivan Alekseevich

DrHab, Professor, Senior Research Fellow
Institute for the Humanities
Perm Federal Research Center of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences
13a, Lenin Str., 614990 Perm, Russia
Email: podjukov@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

Ivan A. Podyukov

Perm Federal Research Centre, Ural Branch of the RAS
Perm, Russia

**ANTHROPONYMIC PERSONIFICATION
IN PROFESSIONAL SPEECH AND JARGON**

The paper studies anthroponymic personification used for naming artefacts in professional and slang speech. The study is based on anthroponymic names recorded in the professional speech of workers (miners, railway and construction workers of the Perm Krai), in the jargon of social communities (youth, criminal, military, and other). The studied units were retrieved from jargon dictionaries, interviews and conversations with workers of Perm mining enterprises, the author's own observations of the speech of jargon speakers in Perm and miners of the Kizelovsky coal basin. Anthroponymic personifications are considered as facts of subcultures, expressing their value attitudes, as well as a cognitive tool. Personification is regarded as a psychological phenomenon, a verbalization of ideas relating to the inner world of a person. In parallel, this is also a linguistic (semantic) process used for capturing new knowledge in the language, expressing evaluation of a particular object. The purpose of the study is to identify the causes and the means of personification in professional speech and jargons, and to analyze the functions of these names. It was found that the contextual animation of non-living things is a productive way of naming complex professional and highly specialized phenomena, particularly emotionally loaded. Giving human properties to objects of the production and technical sphere stresses their significance in the professional and social community and is used as a way of building professional knowledge. In addition, personification works as a form of a language game based on rethinking the cultural connotations of the word and manipulations with its material form.

К е у о r d s: professional speech; sociolects; anthroponymy; naming; personification; motivation of personification; personification techniques; language game

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project number 19-18-00117 *Traditional Culture of the Russians Living in the Areas of Active Ethnic Contacts in the Urals and in the Volga Region*).

- Al' Saadi, Alla Shinan (2019). Voprosy sotsial'nogo chleneniia iazyka: lingvisticheskaia traditsiia izucheniia zhargonnoi leksiki [On the Social Division of the Language: the Linguistic Tradition of Studying Slang Vocabulary]. *Prepodavatel' 21 vek*, 1, 407–418.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- Feoktistova, L. A. (2010). Onomastika i onomasticheskaia leksika v zhargone zheleznodorozhnikov [Onomastics and Onomastic Vocabulary in the Jargon of Railway Workers]. *Voprosy onomastiki*, 2, 69–85.
- Kireev, V. V. (1970). O nekotorykh geograficheskikh nazvaniiax inoiazychnogo proiskhozhdeniia na territorii Gornozavodskogo raiona Permskoi oblasti [On Some Geographical Names of Foreign Origin on the Territory of the Gornozavodsky District of the Perm Region]. *Uchenye zapiski Uralskogo universiteta. Ser. Filologicheskaja*, 13 (90), 97–98.
- Lapshova, A. V. (2013). Sootnoshenie toponimicheskoi i antroponimicheskoi sistem v kategoriiakh tozhdestva i vydelimosti [Correlation of Toponymic and Anthroponomic Systems in the Categories of Identity and Separability]. *Filologicheskie nauki*, 4, 37–43.
- Okorokov, A. V., & Kulagin, A. V. (2016). Korabel'nyi iakor' kak drevnii simvol very i nadezhdy [Ship Anchor as an Ancient Symbol of Faith and Hope]. *Kul'turologicheskii zhurnal*, 1 (23), 1–8.
- Sosnovskaya, A. A. (2008). Iazykovaia kartina mira nositelei "Mobil'nogo zhargona" (na materiale metafor) [Language Worldview of the "Mobile Jargon" Speakers (Based on Metaphors)]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. "Filologiya. Zhurnalistika"*, 8(2), 20–22.
- Surikova, O. D. (2019). Eshche raz o znachimosti "bol'shoi vody" dlia pomorov (leksicheskie dannye) [The Importance of "Big Water" for Pomors (Lexical Data)]. *Zhivaia starina*, 3, 2–5.
- Tchoudinov, A. V. (2015). Opyt rodoslovnoi A. O. Zhones-Sponvilia, glavnoupravliaiushchego Demidovskikh zavodov [A Genealogy of A. O. Jaunez-Sponville, Chief Manager of Demidov Plants]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 17(3), 144–153.
- Trubitsyna, L. V. (2020). Fenomen "odushevleniia" veshchei, ili Razgovor s veshchami [The Phenomenon of "Animating" Things, or Conversation with Things]. *Teoreticheskaja i eksperimental'naja psikhologiya*, 13(2), 65–77.
- Vladyshevskaya, T. F. (2014). Drevnerusskie kolokola i zvony [Old Russian Bells and Chimes]. *Kul'turologiya*, 3 (70), 114–129.
- Voskresenskaya, S. Yu. (2016). Metafora i personifikatsiia: k probleme vzaimootnoshenii [To the Problem of the Relationships between Metaphor and Personification]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Filologiya"*, 4, 11–15.

Received on 5 May 2022
Accepted on 11 November 2022